

МЕЛИССА ХАРРИСОН

Хранители
мира
Дорога
домой

Иллюстрации Лорен О'Хары
Перевод Марии Сухотиной

МИО

МИФ Детство

Мелисса Харрисон

Хранители мира. Дорога домой

«Манн, Иванов и Фербер»

2021

УДК 821.111-312.9-93

ББК 83.8:84(4Вел)-45

Харрисон М.

Хранители мира. Дорога домой / М. Харрисон — «Манн, Иванов и Фербер», 2021 — (МИФ Детство)

ISBN 978-5-00-195921-2

Вторая часть сказочной дилогии Мелиссы Харрисон, современного классика британской литературы, лауреата премии Costa Novel Award. Пришла осень. Мох, Вереск и Щавель решили вернуться из Человечьего Улья домой, на Ясеновую улицу. Вдруг там найдется чудо-средство, которое спасет их народ от исчезновения? В путь с ними отправился и домовый по имени Чердак. Четырех друзей ждет невероятное путешествие, где их поджидает немало чудесных и опасных сюрпризов: золотые листья, блестящие каштаны, алые ягоды – а еще буря, ненастье и первые осенние заморозки. Дружба, смекалка и чувство юмора выручают в любых переделках. Но что, если будущее Тайного Народца связано с загадочными, непредсказуемыми существами... с людьми? Фишки книги – Автор Мелисса Харрисон – современный классик британской литературы. Была номинирована на книжную премию Costa Book Award, вошла в лонг-лист премии Baileys Prize. – Первая книга серии – книга недели по версии The Times и книга месяца по версии The Bookseller. – Перевод Марии Сухотиной, финалиста премии «Мастер». – Подойдет для поклонников «Ветра в ивах» и Винни-пуха. – Завораживающая история об исчезающей дикой природе и выходе из безвыходной ситуации. Для кого эта книга Для детей от 7 лет. На русском языке публикуется впервые.

УДК 821.111-312.9-93

ББК 83.8:84(4Вел)-45

ISBN 978-5-00-195921-2

© Харрисон М., 2021

© Манн, Иванов и Фербер, 2021

Содержание

Часть I. Рябина	8
1. Прощание. Тайный народец готовится к походу на Ясеновую улицу, но в команде происходит замена	8
2. По железной дороге. На окраине города друзей поджидает новая опасность	12
3. Большой ветер. Осенняя буря заставляет путников искать убежище	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Мелисса Харрисон

Хранители мира. Дорога домой

Серия «Хранители мира»

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Original title: BY ROWAN AND YEW BOOK 2

Original English language edition first published in 2021 under the title BY ROWAN AND YEW BOOK 2 by The Chicken House, 2 Palmer Street, Frome, Somerset, BA11 1DS

All character and place names used in this book are

© MELISSA HARRISON 2021 and cannot be used without permission.

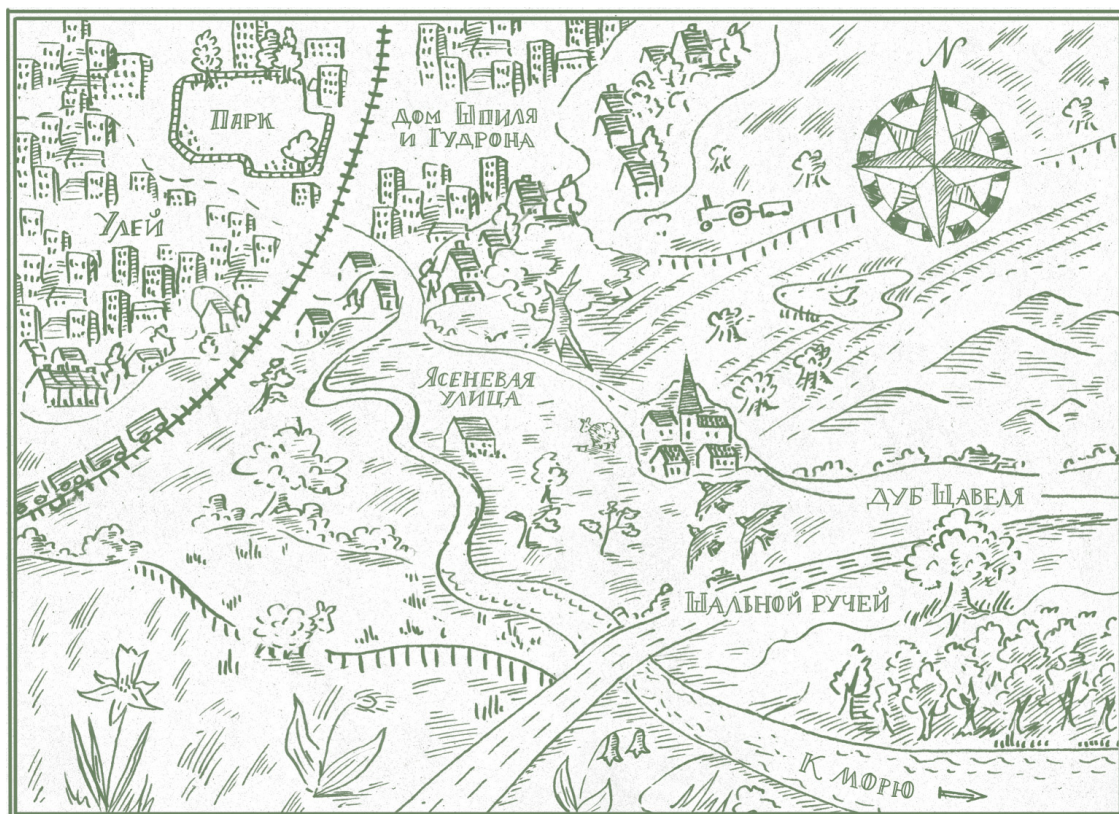
Text copyright © MELISSA HARRISON, 2021

The Author/Illustrator has asserted her moral rights.

All rights reserved.

© Издание на русском языке, перевод. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

***

В небе слышны голоса перелётных птиц. Наши летние гости возвращаются в тёплые края. Им на смену торопятся зимние гости: дикие гуси, утки и лебеди, зяблики, белобровики, свиристели...

Денис Уоткинс-Питчфорд (ВВ)

Из книги «Золотая осень» (Indian Summer)

Часть I. Рябина

1. Прощание. Тайный народец готовится к походу на Ясневую улицу, но в команде происходит замена

Было начало сентября. Днём солнце ещё припекало, но ночи стали холодными. В маленьком парке посреди большого города зрели ягоды шиповника и боярышника; краснели гроздья рябины; на землю с глухим стуком падали первые каштаны. Одни лежали под деревьями в колючей зелёной оболочке, другие глянцевито блестели боками в густой траве.

Под кустом рододендрона среди опавшей листвы прятались два маленьких шатра из шкуры летучей мыши, а возле них сидели два человечка размером с твою ладошку и мастерили миски из каштановой скорлупы. У одного, одетого в комбинезон из лягушачьей кожи, насквозь просвечивали левая рука и нога. Он осторожно разрезал каштан пополам, орудуя ножом с надписью «Стэнли» на клинке. Второй – непрозрачный – человечек в лихом колпачке из жёлудя вычищал белую мякоть каштана скребком, сделанным из старой сим-карты. Время было послеобеденное, и уроки в школах уже закончились. На скамейках в парке сидели дети и подростки; они грызли чипсы и болтали, но никто не замечал крошечных человечков. Дело в том, что никому просто не приходило в голову посмотреть внимательно.

– Готово! – радостно объявил Мох, откладывая в сторону чистую половинку каштана. – Теперь только отполировать изнутри.

– Мы столько узнали от домовых про хозяйство! Приятно будет показать, что и мы не лыком шиты, – сказал Щавель, бережно откладывая нож, который позаимствовал у Вереска. – Подумать только: они, может, и каштанов не видели никогда! Странно, а?

– Очень, – кивнул Мох. Он уже встал и теперь осторожно потягивался. Шрамы от кошачьих укусов ещё болели, но разминка всегда помогала. Страшно было думать, чем всё могло тогда закончиться. Вот Мох и старался не думать – тем более что друзьям предстояло вновь отправиться на поиски приключений. Ведь кто-то должен был спасти их народец от полного исчезновения!

Всё лето Мох и старина Дождевик, который почти весь теперь стал прозрачным, прожили в тайной квартирке у своих новых друзей Шпиля и Гудрона. Щавель и Вереск разбили лагерь

в парке – им лучше спалось на свежем воздухе. Однако все четверо по-прежнему виделись каждый день.

С помощью бельчат Чипа и Бада, а также скворца Лихача друзья понемногу освоились в Человечьем Улье и, как одобрительно подмечал скворец, «научились жить». Теперь они многое знали: например, куда можно ходить, а куда нельзя; какое время дня самое безопасное; как перемещаться по улицам, не попадаясь людям на глаза. Дождевику такие вылазки давались легче всего: ведь он стал почти невидимым. Вереск – бесстрашный искатель приключений – тоже не отставал. К счастью, люди редко обращали внимание на островки живой природы вокруг. Куда чаще они смотрели друг на друга, на витрины магазинов и на маленькие чёрные штуковины, которые вечно таскали в руках. (Щавелю как изобретателю эти штуковины не давали покоя. Он без конца гадал, для чего же они нужны.)

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Щавель, когда друзья принялись полировать новые миски мягкими листьями жимолости.

– Да так... Почти здоров, хоть и проболел дольше, чем думал. Я знаю, как вам хочется скорей попасть на Ясеновую улицу. Уж простите, что всех задержал.

– Что за глупости, Мох! Мы ведь и тут не теряем время попусту. Нашли себе работу, как и положено. Вереск засеял все голые клочки земли травой и цветами. Я каждый день собираю мусор. А Дождевик читает лекции! У него теперь целый курс – «Пищевые яды: как сохранить здоровье в современном Улье». Слушателей полно – правда, пока одни улитки.

– Но ведь это ничем нам не помогло, – с тревогой сказал Мох. – Вы с Вереском и Дождевиком всё равно прозрачные. Может, Пан пока не заметил наших усилий. А вдруг мы неправильно поняли пророчество Робина Весельчака?

– «Ясень, дуб и тёрн стоят с начала времён; под тисом и рябиной спит новый век невинный». Ты про это? – уточнил Щавель. – Наверное, ещё просто рано, Мох. Вот доберёмся до вашего прежнего дома и поймём, что надо делать. Да и вообще, полезно немножко пожить в Улье, изучить местных птиц и зверей, их привычки... Разве не так? Если всю жизнь сидеть на одном месте, так и будешь думать, что знаешь всё и про всех. А на самом деле знаешь только себя и своих друзей!

Они немного поработали в уютном молчании. Над ними в голубом осеннем небе кружили последние ласточки, стараясь проглотить побольше насекомых, чтобы хватило сил на дальний путь в Африку.

– В последние дни воздух как будто изменился, правда? – сказал Щавель чуть погодя. – Даже не знаю, в чём дело. Может, это каштаны пахнут. Или вечера стали холодней.

Все дети природы чувствуют смену времён года. Божьи коровки знают, когда залечь в спячку. Лягушки знают, когда отложить икру. У тайного народца есть похожее чутьё.

– Ты прав, я тоже кое-что замечаю, – согласился Мох. – И не я один. Вереск как-то странно молчал вчера вечером, когда мы ловили сверчков.

– Да, – задумчиво протянул Щавель. – Похоже, мы все это чувствуем, даже Дождевик. Воздух меняется. Время пришло.

Каштановые миски смотрелись просто замечательно, сверкали снаружи и изнутри. Возвращаясь к дому Шпиля и Гудрона, Мох бережно нёс их в руках. В цоколе здания была отдушина с решёткой, а за ней – узкий лаз, который шёл к подвальной лестнице; потом надо было тихонько пробраться по лабиринту туннелей, петлявших за стенами человеческих квартир. В конце лабиринт приводил к уютному жилищу домовых, где всегда было тепло от трубы с горячей водой. На мгновение Мох затосковал от мысли, что скоро придётся покинуть это чистенькое, славное место и вновь шагнуть навстречу неизвестности.

– Привет! А Вереск сегодня не с вами? – спросил Гудрон. – Жалко. Что это вы принесли?

Мох с улыбкой протянул подарок хозяевам дома, которые тут же пришли в восторг.

– Какая красота! Обязательно расскажите, как вы их сделали! – воскликнул Шпиль.

– Спасибо! Мы поставим миски на самое видное место, – сказал Гудрон. – Ну что, проголодались? Вы как раз к обеду. Садитесь за стол.

Обеденным столом оба домовых очень гордились. Он был сделан на славу: книга в твёрдом переплёте лежала на двух спичечных коробках. Обложка была яркая, с картинкой: портрет мальчика в круглых очках, а на заднем плане – красный поезд. Читать никто из друзей не умел, поэтому слова над картинкой ни о чём им не говорили. Но мальчик всем нравился; иногда по вечерам они даже придумывали про него разные истории.

Недавно у Щавеля родилась отличная идея: сделать для кристальных шляпы, чтобы было понятно, где у них лицо. Поэтому над одним из пробочных табуретов сейчас парила конусообразная карандашная стружка, выдавая присутствие Дождевика. Из неё получилась вполне достойная замена зелёному колпаку, который унесло ветром, когда друзья летели в Улей на голубях. Усевшись на табурет рядом с Чердаком – домовым, который жил на складе при ближайшем магазине, – Мох невольно задумался о том, сколько времени осталось до полного исчезновения их старого друга. Это была очень мрачная мысль.

Шпиль и Гудрон принялись накрывать на стол. В этот раз они добыли на человеческой кухне немного пасты с сыром и кусочки яблока и сливы на десерт. Вереск объяснил домовым, как отличить съедобные растения от несъедобных, и теперь они часто выходили на улицу за свежей зеленью. Даже в Улье можно найти немало живых витаминов – если, конечно, знаешь, где искать. А заодно можно завести интересные знакомства.

Едва вся компания расселась за столом, как послышался радостный оклик:

– Привет-привет!

В комнату ворвался Вереск, а вместе с ним – восхитительный аромат сентябрьского вечера. Перед днём осеннего равноденствия воздух пахнет не так, как летом. Вместо медовых цветочных оттенков к вечному городскому чаду примешивается тонкий, еле уловимый запах грибов и прелых листьев. Весна – время роста, а осень – время распада. Распад очень важен для живой природы: ведь благодаря ему каждый год обновляется почва.

– Ну наконец-то! – воскликнул Шпиль при виде Вереска. – Садись, садись. Есть хочешь?

– Умираю от голода! – ответил Вереск и тут же набросился на еду. Друзья последовали его примеру. Некоторое время в комнатке слышался лишь азартный звон вилок, но вскоре беседа возобновилась.

– У меня возник гениальный план! – с набитым ртом объявил Вереск. Никто не удивился: пока Мох выздоравливал после нападения кошки, Вереск много времени проводил в компании скворца Лихача и хитрого городского лиса Веспера. Всем было ясно: друзья что-то затеяли.

– Как вы знаете, я много общаюсь с Лихачом и Веспером, – зачем-то пояснил Вереск. – И мы втроём, кажется, сообразили, как лучше добраться до Ясеновой улицы, когда все будут готовы.

– Что, опять сядем на голубей? – спросил Мох. Поначалу ему было очень страшно в небе, но теперь он с восторгом вспоминал тот полёт.

– Лететь не надо, – помотал головой Вереск. – Оказывается, до дома не так далеко, как мы думали. Видите ли, за те сотни кукушкиных лет, что мы прожили под старым ясенем, Улей разросся и подполз совсем близко. Мы этого не знали, потому что не выходили из сада. А когда наконец ушли, чтобы найти родню, то отправились с оленями совсем в другую сторону, подальше в поля. Потом уже оттуда нас принесли в Улей голуби. И знаете что? Возможно, по дороге сюда мы даже пролетали над нашим старым садом! Честное слово! Лихач всё разведаль с воздуха.

– Так... значит, туда можно просто дойти? – спросил Щавель с разочарованием в голосе. – И мне не надо ничего изобретать?

– Не совсем, – сказал Вереск. – В общем, план такой. Сначала мы пойдём вдоль какой-то огромной железной дороги. Вечер мне всё про неё рассказал. Не волнуйся, Мох, Вечер тоже пойдёт с нами, покажет путь и разгонит всех кошек. А потом надо будет плыть. За железной дорогой есть река. Она впадает в море, а по пути протекает недалеко от Ясеновой улицы. Щавель, надо построить какую-нибудь посудину, чтоб держалась на воде. Потому что вода донесёт нас почти до самого дома!

Все друзья начали радостно, возбуждённо переговариваться. Молчали только Дождевик и Чердак, который сидел с задумчивым видом. Наконец Чердак подал голос:

– Я тут подумал... мы со Мхом очень подружились. Я буду по нему ужасно скучать. Что, если... А можно и мне пойти с вами?

– По-моему, лучше не... – начал было Вереск.

Но тут из-под завитой карандашной стружки послышался голос Дождевика:

– Отличная идея, друг Чердак! Ты домовой и побольше нашего знаешь про людей и их привычки. Твоя помощь всем очень пригодится. Особенно если учесть... – Дождевик шумно сглотнул, – если учесть, что я останусь в Улье.

Щавель громко охнул, а Мох утёр слезу.

– В последнее время я чувствую себя... как будто не совсем здесь, – продолжал Дождевик. – Милые друзья, путешествовать мне больше не по силам. Идите без меня, только обещайте... Слышите, обещайте, что не бросите дело на полпути и найдёте нашему народцу новое место в Зелёном Мире. Обещаете? А я останусь тут, у Шпиля и Гудрона. Насовсем.

2. По железной дороге. На окраине города друзей поджидает новая опасность

Маленькие человечки медленно выбирались из Улья вдоль железной дороги. Шли они в основном по ночам, когда вокруг было пусто и тихо; но каждую ночь наступала минута, когда отрезки путей под названием стрелки внезапно приходили в движение, издавая громкие, протяжные стоны. Всякий раз путешественники подпрыгивали от неожиданности. Людям, которые присматривают за железной дорогой, нужно проверять, хорошо ли работают стрелки, ведь с их помощью поезда меняют направление. Поэтому в ночной темноте то и дело слышалось: «ПШ-Ш-Ш-Ш-Ш-Ш-Ш-ДЗЫНЬ! ПШ-Ш-Ш-Ш-Ш-Ш-Ш-ДЗЫНЬ! ПШ-Ш-Ш-Ш-Ш-Ш-Ш-Ш-Ш-ДЗЫНЬ!» – а затем всё стихало, и стальные рельсы вновь недвижно поблёскивали в лунном свете. Когда мимо друзей в первый раз просвистел поезд, Мох перепугался и даже всплакнул. Впрочем, никто не стал его упрекать. Веспер молча глядел на путников красивыми золотистыми глазами, и от этого им стало легче набраться смелости и терпеливо ждать, пока бесчисленные вагоны товарного состава не умчатся вдаль.

К рассвету друзья добрались до станции и теперь вместе с Веспером прятались у самого края платформы – там, где начинался бетонный забор с яркими граффити, а вдоль него росла густая трава. Вскоре на станцию должен был хлынуть людской поток: взрослым предстояло отправиться на работу, а детям – в школу. Но пока пассажирские поезда ещё не ходили, а на станции разгружались составы с письмами и посылками, продуктами для магазинов и горами светлых камешков, которые называют щебёнкой и возят в ржавых открытых вагонах.

За семь ночей пути друзья преодолели немалое расстояние. Иногда Веспер сажал их себе на спину, но тогда он бежал гораздо медленнее, и чаще всего четверым путникам приходилось шагать пешком. Каждый вечер солнце садилось немного раньше, а ночь длилась чуточку дольше.

Больше всего друзьям нравились станции. Там всю ночь горел свет, а вдоль путей сновали деловитые серые мыши: они отправлялись на поиски пищи, едва люди расходились по домам. Пока Веспер уплетал половинку найденного бургера, Мох попытался завести беседу с одной мышкой, но она слишком сильно испугалась, увидев лиса.

Минуту спустя прибежал немного отставший Чердак. Он победно размахивал белой пластиковой трубочкой с загибом посередине. Но когда Мох спросил, для чего ему трубка, домовой лишь загадочно улыбнулся.

Друзья оставили позади огни станции и зашагали вдоль забора, обходя пакеты из-под чипсов, пластиковые бутылки, смятые жестяные банки, заплесневелые, старые кроссовки и пустые картонные коробочки.

У птиц закончился брачный сезон, и теперь им не нужно было подзывать друг друга песнями. Поэтому утренний хор больше не возвещал начало нового дня. Когда небо над стальными рельсами начало светлеть, Мох услышал, как где-то в кроне придорожного деревца подала голос одинокая малиновка. Она взяла две-три печальных ноты и сразу же умолкла.

Когда мимо с грохотом пролетел первый пассажирский поезд, друзья во главе с Веспером устроили привал за кирпичной семафорной будкой, в густых зарослях хвоща – древнего растения, которое ничуть не изменилось с доисторических времён. Четверо маленьких путешественников скинули котомки и свернулись калачиком у тёплого лисьего бока. Веспер прикрыл их от ветра пушистым хвостом. Ещё много-много веков Мох будет вспоминать, как тепло и уютно им спалось под защитой большого друга.

– Я ужасно скучаю по Дождевика, – признался Вереск. – Наверное, я уже тысячу раз это говорил... Но ведь это же правда.

– Я тоже скучаю, – грустно сказал Мох.

– И я, – вздохнул Щавель. – Конечно, вы с ним много лет провели под одной крышей, но ведь и мы вчетвером немало пережили вместе, да? Как странно, что старина Дождевик теперь не с нами.

Мох дотянулся и легонько пожал руку Чердаку. Трудно быть новеньким в тесной компании. Хоть Мох и старался, чтобы Чердак не чувствовал себя на отшибе, иногда это было неизбежно.

– Шпиль и Гудрон – самые гостеприимные домовые на свете, – сказал Чердак. – Зимой у них в квартирке особенно хорошо: труба греет. А мы с вами найдём лекарство от прозрачности и сразу вернёмся за Дождевиком. Будете снова жить все вместе.

– А если... если... – начал было Мох и замолчал, смигивая слёзы. Очень важно было сохранять присутствие духа ради Вереска и Щавеля: ведь и они теперь понемногу исчезали. Но страх не желал отступать. Никто не знал, сколько времени осталось в запасе у их старшего друга. Надо было доказать Пану, что их народец ещё нужен Зелёному Миру, да побыстрей.

Вереск вздохнул.

– Жалко, что у нас не вышло прощальной вечеринки. Как-то странно было убегать, не предупредив всех друзей в Улье. Понятно, что так безопасней, но всё-таки...

– Чип с Бадом всё поймут, и голуби тоже, – заверил его Чердак. – Видишь ли, Вереск, в Улье жизнь не такая, как на природе. Везде толпы. Часто живёшь где-нибудь и даже не знаешь соседей. А если и заводишь дружбу, то ненадолго.

Вереск не ответил, и через минутку Чердак добавил:

– В крайнем случае Лихач со всеми поговорит.

– А кстати, куда он делся? – спросил Щавель. – Он ведь должен был нас догнать, и что? Мы идём уже целую вечность.

– Ничего, он нас найдёт, – сказал Вереск, укрываясь лисьим хвостом, словно одеялом. – Давайте спать. Что-то я устал.

– Я тоже, – сказал Мох. Над головами у друзей сладко зевнул лис; его длинный розовый язык свернулся трубочкой. Затем Веспер опустил морду на лапы и тоже закрыл глаза.

Ближе к обеду Мох проснулся от странного пронзительного звука. Вечер недовольно приоткрыл один глаз; хвост у него нервно задёргался. Щавель сел и стал озираться по сторонам. Вереск громко всхрипнул и перевернулся на другой бок, надеясь ещё поспать.

Протерев заспанные глаза, Мох понял, что непонятный звук доносится со стороны Чердака. Домовой по-турецки сидел на солнышке и дул в белую трубочку, которую нашёл на перроне. Согнутый конец трубки теперь был подрезан, а в длинной части появился аккуратный ряд дырочек.

– Откуда?.. – начал Мох.

– Эй! Чего это ты? – спросил Щавель.

– Правда, здорово? – Чердак широко улыбнулся. – Я таких штуковин уже сто лет не делал. Хорошо получилось?

– А что это такое? – Щавелю всегда было интересно знать, что и как устроено.

– Это же флейта! – ответил Чердак с лёгким недоумением в голосе. – Вы что, раньше её никогда не видели?

– Вроде нет... – протянул Мох, подходя к домовому и разглядывая странную трубочку. – А для чего она?

– Как для чего? Для музыки. Это же инструмент!

– То есть ты нарочно сейчас издавал эти звуки? – уточнил Щавель. – Так и было задумано?

– Слушай-ка, – сказал Чердак с лёгкой обидой. – Я знаю, что давно не играл и почти разучился. Но грубить-то зачем?

– Ой, прости! Не хотел тебя обидеть, – Щавель взял у Чердака белую трубочку и принялся её разглядывать. – А ты заметил, что она вся дырявая? Очень жалко – будет протекать.

– Протекать? Дырявая? Ну конечно, она дырявая! А как же иначе выпускать воздух, когда играешь? Смотри! – Чердак снова перехватил трубочку и заиграл какой-то мотив. – Видишь?

– А, теперь ясно, – кивнул Щавель. – Ты дуешь в неё и выпускаешь воздух, переставляя пальцы на дырочках.

– Вот! Наконец-то! Неужели вы правда никогда раньше не видели флейты?

– Нет. А ты, Мох?

– И я не видел.

– Ну так... и зачем ты это делаешь?

– Затем... затем, что на ней так играют!

– А, это какая-то игра? Или игрушка?

– Да нет же! Не игра, а му-зы-ка! Это музыкальный инструмент, помоги мне Пан!

Мох окончательно запутался.

– Так это была... твоя музыка? – озадаченно спросил он. – Мелодия? Как у птиц?

Мимо прогрохотал поезд, битком набитый людьми. Четверо путешественников стояли на осеннем солнцепёке и глядели друг на друга. Ни один из них не знал, что сказать.

– Поразительно, – заявил Чердак ближе к вечеру. – Это очень, очень странно.

Веспер убежал охотиться на крыс, а четверо маленьких человечков уплетали хот-доги с сосисками из копчёных гусениц. Чердак впервые пробовал это блюдо, а вот остальные давно к нему привыкли. Гусеницы были оранжевые в коричневую полоску и хрустели на зубах. Щавель обнаружил целый выводок на листе крестовника и прихватил четырёх.

– Что ж тут странного? – ответил Вереск. – Тайному народцу не нужна музыка! Мы живём на природе, вокруг полно птиц. Зачем же нам самим вот так дудеть?

Мох тревожно поглядел на Вереска и Чердака. Обычно они держались вежливо, но особой дружбы между ними не было. Иногда так случается в природе (и у людей тоже): никто не может одинаково нравиться всем, да и стремиться к этому не надо, потому что тогда трудно оставаться самим собой. Но если Щавель благоразумно держался в сторонке, то Мох ужасно переживал. Ему хотелось, чтобы все всегда дружили – хоть это и невозможно.

– Вереск не хотел тебя обидеть, – примирительно сказал он домовому. – Просто мы всегда слушали птиц и не привыкли к другой музыке. Но нам очень интересно – да, Вереск?

Вереск пробурчал что-то себе под нос, как делают люди, когда хотят показать, что не согласны, но не рискуют сказать об этом вслух.

– По крайней мере, мне интересно, – великодушно продолжал Мох. – Если ты покажешь, как играть на этой штуковине, я с удовольствием поучусь.

– Спасибо большое, но мне подавай настоящую музыку, – хмыкнул Вереск. – И лис наверняка того же мнения. Так что вы уж, пожалуйста, дудите подальше от нас!

Но пока друзья спорили, на них и на весь Зелёный Мир надвигалась новая серьёзная опасность. Где-то далеко, над Атлантическим океаном, тёплый ветер из Южной Америки встретился с холодным ветром северных широт, и на месте встречи закрутилась воздушная воронка. Сначала она была маленькой и вращалась высоко в небе; поэтому никто не обращал на неё внимания. Но потом воронка стала расти и стремительно понеслась к Человечьему Улью, подхваченная потоком воздуха, который люди называют струйным течением.

3. Большой ветер. Осенняя буря заставляет путников искать убежище

Пока наши друзья шагали вдоль железной дороги, никто не замечал, что ветер становится всё сильнее. Даже Вереск, который обычно следил за погодой, сейчас был полностью поглощён раздумьями, как бы уговорить Вespera дойти с ним до самой Ясеновой улицы. У лиса, как и у домовых, до сих пор имелась родня за городом; но сам он давно привык жить в Улье и вскоре собирался повернуть назад. Однако Вереск успел к нему привязаться и хотел бы пригласить в гости.

Небо потемнело; над головой закружились жёлтые листья ясеня. Дома и магазины, мимо которых друзья шагали прежде, сменились футбольными полями, парками и небольшими рощицами. Путники ещё недалеко ушли от Улья, но окраины были совсем непохожи на центр. Станции стали ниже и, кажется, старей; вокруг росло больше деревьев, а воздух пах по-другому. Мох очень радовался этим переменам: с каждым шагом он приближался к дому. А вот Чердак всё больше нервничал, хоть и старался не выдавать тревоги. С тех пор как четвёрка пустилась в путь, его частенько поддразнивали, называли сыном каменных джунглей. Такие шутки не всегда ему нравились – особенно когда шутил Вереск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.